

Мрачные сказки

Жанр произведения: Поэзия

Произведение написал автор BookBox

Ссылка на публикацию

*** И явились трое безликих бед Меж собой говоря языком светил, И был первый бездумен, косматит и сед - Умертвил свечу, погасил фитиль, Стало в мире темно - ни зги! Так, что от второго - лишь бычий рев, Тот второй лечил меня от тоски, По холодному лбу растирая кровь, А последним, как водится, вошел тот, Имя чье не принято называть, И вложил свое Слово в мой мертвый рот, И велел отныне не открывать. И взревели четверо злых ветров, Поднимая меня над немой землей, И

водой моя зазмеилась кровь, И неслышен больше стал голос мой. Но когда утихла в морях вода, Над водой из пены восстала твердь. И покуда будет она крепка, Это вечное слово сказать не сметь. А и сметь - не вымолвить, не разнять Вечно сомкнутых стылых губ, Ибо будет вовек этот свет стоять, Пока Слово не вымолвит божий труп. *** спать - время живым, ждать некого к ним, им солнцем гореть в рассвет, нам - имени нет, ни солнца, ни дня, ни сна, где память и где луна? нет, мертвым не снятся сны. нет в небе у нас луны. волн мертвые не мутят, крон листья не шелестят, я - как меня звали там? чей был у деревни храм? да, а он был ли там? спать - нам уже не уметь, пить воду реки Мреть. *** лес оживает в сумерках пред рассветом, стелется крапивой под босые ноги обезоружив тебя, чужака, ароматом лета, лес прорастет в тебе, как пророс во многих, Клюнувших до тебя, как в таких же - после, стоит сойти с тропы, и пиши - пропало. слышишь - у леса особый голос: это в сухой листве и грызне шакалов шепчутся духи, плачут, зовут в чащобу, помнишь, чем сказки кончались эти? если не веришь сказки - сходи, попробуй, любят играть с такими лесные черти. *** Через поле, через лес Есть тропа в страну чудес: На тропу крестясь заходят, Да обратно не выходят. Ждут-пождут лесные черти - Поиграйте с нами, дети, Ждут и шепчут имена... Катится тропинка сна. В небе катится луна... Коль придешь сюда одна - Ни цветочка, ни былинки Не сорви в такую ночь. А сорвавши - пропадешь. На болотный огонек Заходи-ка, паренек, - Ни один не возвертался - Шибко хочется остаться. Бродит леший, водит леший, На кресте упырь повешен: "Дай-ка я тебя спасу!" Страшно спать в моем лесу. Как до просеки дойдешь - Целое село найдешь, Ворота у них скрипучи, Вдоль забора терн колючий, Песен не поют в селе Упырячьей деьворе. Мертвы головы висят На столбах, ьвоей-ка, гляьн-к! - Не хватает вон на месте.. Чтобы жизнь прожить по чести, С мертвяками не плясать - Надо голову спасать. Посреди села поминна Стоит знатна домовина. Коль пришел уж - заходи, Только под ноги гляди. Отыщи мертвячью маму - Не велику и не малу, Ни старуху, ни с косой Кто видал - вовек седой. Сторожиха молча гланет, Словно из ведра окатит - Ей положено глядеть: Сторожить и Жизнь и Смерть. Три загадки загадает - Только тот, кто был, тот знает. А кто вовсе воротился, - Знать ответом отличился. Коли вырвешься живой - Волк примчится за тобой, Ты того волка не бойся, Он тебя уже не бросит. Крепко-накрепко держись За свою вторую жизнь, Да назад не повертайся, Как бы черт не похвалялся. Обернешься - пропадешь. Тут уж точно не уйдешь. А воротишься назад - Ни тропинки, ни следа, Тут беги уж, серый волк - Черт не съел - не выдаст бог. Как проснешься на рассвете - Глядь, на полке у буфета Кошка черная сидит, Лапкой ушки шевелит. Глаз протер - ее и нет. Только в дверь стучит сосед: Деда Вицыком прозвали, Вид такой, что жив едва ли, С головы до ног седой. Спросит: "внук, ты как - живой?" И хромнув на праву лупу, Подобрав под дверью лапоть - Глянь-ка, кто-то обронил! - Пропадет, как и не был. Станет утро заниматься, Станет птичка заливаться, Станешь у окна босой. Куда ночь -

туда и сон. *** если долго смотреть, как течет река, если нет у тебя врага, можно выучить камни на берегах, где она тонка, можно каждую знать волну, каждый спеть закат, можно ветер ловить в руках... здесь когда-то большая была река я не помню, в каких веках. *** А идти через мшистый лес, по гнилой листве, слушать шорохи, птиц разгонять из гнезд, через семь чащоб, через семь болот, через темный холодный лог. На поляне есть дом, в земь по окна врос, от ручья тянет ветер возню стрекоз, две ступени крыльца, стерты доски дотла, на крыльце распоясаться догола, очертить мелом круг посреди крыльца, стукнуть в двери, да ждать колдуна-кузнеца. Выйдет, страшен и сед, борода в колтунах, глянет исподо лба, хлынет жути волна, а просить-де его, чтобы камень отдал, бел, и черен, и ярок, и блед и ал, осерчает старик, сапогом о дверь, дверь простонет, захочет слететь с петель, волхв откроет карман, вынет вытертый серп, а отрежешь три волоса на косе, сталь блеснет серебром, перстень звякнет у ног, ты вернешь старику потемневший клинок, по болотам и чащам, сквозь тихий лог, приминая босыми ногами мох. У окраины леса упасть в траву, растворить себя древнему колдовству. На отшибе села стоит старый дом, на закат обращен гробовым окном, шепчут бабы, да крестятся мужики, я иду под бугор у немой реки, на руке поблескивает кольцо, дети плачут, увидя мое лицо. Я спускаюсь к реке, меж столетних стволов. Здесь растет самый сочный болиголов. *** Он приходит, садится за стол, достает блокнот, Заполняет графу "время, месяц, число и год". Поднимает глаза на меня: - Ну давай, вещай... Я пытаюсь отмазаться: - Слушай, ну не сейчас! У меня две недели до отпуска, банк, кредит, Ну, хотя бы до осени погоди. Он закуривает, кивает: - У всех дела. Но и я не на вольных хлебах, понимаешь? План... Так что, братец, давай. Оформляемся и let's go. Тут же мелочь - формальности, протокол. Год рождения? Родители? Кто крестил? Некрещен? Плохо. Могут не пропустить. Преступления? Подвиги? Клятвы? Друзья? Враги? Умирал кто-нибудь от твоей руки? Сколько браков? Детей? Предавал? Любил? А, так это к тебе я тогда ее отпустил? Ну, тогда успокойся - пропустят, ты ж, парень, почти святой, Ты у нас со времен Орфея второй такой. Ладно. В общем и целом, похоже, все. Может быть слегка больно, но ты потерпи, усек? Мы выходим за дверь, он идет не держась перил И у лифта кивает мне: - Стой, я косу забыл. *** Если и стоит о чем-то вообще писать, то лишь о том, что хранит в себе привкус Бога: сын, опекаемый матерью без отца, редко бывает за линией монолога, может быть оттого полстраны чужды трезвости и любви, а остальные процентов тридцать больны безверьем... Боже, пожалуйста, главное - save the Qween, да не пускай к нам беду в деревню, все остальное срастется само собой, сильные духом и в камне находят воду, да и к тому же на каждого есть свой Ной, а, значит, сколько не ной - сохрани породу, сколько б в тебе не рождалось красивых слов, главный девиз спасительного Ковчега "Господи! Имя тебе - Любовь" и лишь, как следствие - альфа или омега. а потому - даже крошечная искра - это проверка на преданность и на гибкость.

что бы ни выходило из клавиш и из пера, пробуй всегда на особенный этот привкус. *** Здесь один диагноз на всех, Одинаково гложет злость, Одинаковая печать, Мне, вообще-то чуть больше, чем повезло, Я могу про слезы, могу про смех, Я могу говорить, а могу молчать. Среди многих процентов, Налаженных на прием, Я — одна из немногих тех, Кто работает ретранслятором, переводчиком слова «Ом» На язык, разделяющий в терминах то, что свято и то, что грех. Ибо жатвы много, а делателей — по пальцам пересчитать И который из смертных ведал, Как я молилась, чтоб этим делателем не стать? Но тому, кому больше дано И во сне не придется спать И чем больше в эфире помех, тем строже и отвечать. Всякой песне цена — пол гроша и в базарный день, Оттого-то Господни мытари все и мечутся в темноте, Оттого-то и Сын человечий на каждом висит кресте, Что помимо цены на мясо и бренных тел Есть простое и вечное, то, до чего тяжелее всего дойти, Так что стой верстовым фонариком у пути И не смей даже думать с шестка своего сойти, И свети. *** Бог милосерден. Мы даже представить не можем, как Он решает - кому здесь сгинуть, кому - остаться Пока мы смеемся над ним, в бесстыжие свои двадцать, А потом оббиваем пороги его церквей В свои сорок с каким-нибудь: "Пожалей Мою мать, инвестора и ребенка!" Время листает кадры на кинопленке. Бог милосерд. Уже тем, что не стал никого жалеть. *** Чем мне спасаться от траурной пустоты вакуумно-болящей в районе сердца? Здесь по всем правилам рифмой должно быть "ты", но мое чувство прекрасного против таких сентенций: дешево прятать за патокой стройных слов ужас, родящийся в эхе пустой квартиры. жизнь обретает устойчивый power off. I need myself, I'm already not a hero. Хочется бросить курить и сбежать в леса, хочется перечитать все от классики до Гомера, выстроить, воспитать, обустроить сад, Склеить из льдин хоть слепую, но все же, веру, тешиться суррогатом, но жить, неизменно жить, чтоб тишине в голове не хватало места, но принцип счастья настолько непостижим, что не вмещается в рамки текста, впрочем, и понимается-то с трудом, ни алгоритма, ни формулы не имея, ведь пресловутые дерево, сын и дом не делают нас ни разумнее, ни смелее. Это болезненный поиск, дурная спесь, следствие лени и недоеба, только что может иметь еще больший вес, кроме спасения "до", а не после гроба? *** Одиночество - это тот час, когда Целый мир в один голос станет к тебе добрей, Светофоры и рельсы с тобою танцуют в такт И известны все курсы на гавани всех морей. Где отшельником днем с огнем мне искать тепла? Божий сад - ни зверю, ни человеку. На тот берег не так-то просто добраться вплавь. Благоприятен брод через великую реку.